

ПАВЕЛ ГУШИНЕЦ

СООБРАЗИМ НА ТРОИХ,
ИЛИ ТРЕБУЕТСЯ ПОЖАРНЫЙ

Павел Владимирович Гушинец

Сообразим на троих, или

Требуется пожарный

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57191971

Сообразим на троих, или Требуется пожарный / Павел Гушинец;

Издательство «Четыре четверти»; Минск; 2020

ISBN 978-985-581-282-2

Аннотация

Если что-то случается, свидетели или пострадавшие торопливо набирают один из трех номеров: «101», «102» или «103». А то и все разом. В сборник включены рассказы из медицинской практики коллег автора и его товарищей, служащих в системе Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

...Пожалуй, для полного комплекта не хватает только пожарных. Срочно требуются!

Содержание

Павел Гушинец	6
Почему я начал писать медицинские рассказы	6
Ты снова в армии	7
Мой друг – Сашка	7
Детский сад цвета хаки	13
Бедные люди	16
Дважды сержант (история одного доктора)	20
Трус не играет в страйкбол	36
Автошкола	44
Ребята с нашего двора	57
Приключения гопника	57
Когда стыдно за своих	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Павел Гушинец

Сообразим на троих, или Требуется пожарный

Сборник рассказов

© Гушинец П., 2020

© Бука Н., обложка, 2020

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”»,
2020

Автор выражает благодарность самому главному литературоведу Юлии Линейцевой за конструктивную (не всегда) критику, талантливому художнику Наде Буке, консультантам: врачу-кардиологу Леониду Львовичу, врачу-паразитологу Екатерине Бондарь, врачу-гигиенисту Дмитрию Бондарю, врачу-рентгенологу майору м/с Александру Кротову, майору ВС РБ Вадиму Лобану, подполковнику м/с Владимиру Гурлеву, врачу-педиатру Юлии Руденко, врачу-терапевту Марине Царенко, врачу-терапевту Александру Нашиутинскому, студентам-медикам Мише Гришко и Дане, краудфандинговому сайту Ulej.by и куратору

проектов АLINE Лисакович, читателям группы ВК «Автор Доктор Лобанов», сайту Pikabu.ru, всем своим читателям и подписчикам, а особенно: Павлу Захарову, Анне Ракутиной, Никите Чернявскому, Дмитрию Сульжицу, Никите Недожогиному, Евгению Янковичу, Андрею Зореву, Дарине Бакулиной, Кириллу Калуге, Максиму Циганивскому, Артёму Мельникову, Алексею Сырых, Алексею Яковенко, Юлии Предеус, Вячеславу Воронкову, Николаю Сумарокову, Михаилу Цветкову, Игорю Матушкину, Владимиру Тихонову, Александру Парфёнову, Анне Казмерчук.

Павел Гушинец

Почему я начал писать медицинские рассказы

В 1998 году я написал фэнтезийный роман. Псевдославянская вселенная, драконы, эльфы, гномы, несколько межрасовых любовных линий, эротические сцены в понимании 18-летнего юноши, неуклюжие интриги между правящими домами Семиградья. И всех объединяет глобальная опасность с Севера, откуда наступает какая-то неведомая хрень, тысячелетиями прятая в глубоких пещерах. Слоган «В мире, где царит постоянное лето, наступает Зима». Ну, Джордж Мартин, старый ты плагиатор!

Через год я написал второй роман. Древние кланы магов жили в современном мире, параллельно с технологиями, прятались от людей и втихаря вершили судьбы мира. Ну, Владимир Панов и Сергей Лукьяненко, ну как так-то?

В конце концов, я психанул, и начал писать медицинские рассказы. И тут началось. Чехов, Булгаков, Ломачинский, Данилов, Ульянов, Правдин. Ну, ё-моё!!!

Начну писать женские детективы. Кто такая Донцова?!!!

Ты снова в армии

Мой друг – Сашка

Про чтение

Стоим осенью в медобеспечении на очередных стрельбах. Скучно, дождь, хочется домой и спать. Солдаты бегают, стреляют, а нам, докторам, вообще нечего делать. От тоски читаем, что под руку попадётся. Я в третий раз перевернул «Справочник фельдшера» 1963-го года выпуска, с раздражением забросил его в угол палатки и повернулся к коллеге, увлеченно шелестящему страницами какой-то глянцевої книжицы.

- Саша, а что ты читаешь?
- Да ужастик какой-то про вампиров. У жены взял.
- Ну и как? Нравится?
- Да ничё так. Читать можно.

Нет ничего более странного, чем могучий капитан-десантник, увлечённо читающий на полигоне «Сумерки».

Адмирал

Тот же Саша посмотрел «Адмирала» и особенно поразила его сцена, где матросы топили офицеров. Он мне потом признавался:

– Я теперь смотрю на солдат и думаю, а ведь в случае чего они и нас вот так в расход пустят.

– Саша, – успокаиваю я товарища. – В 1917 между офицером и солдатом была социальная пропасть. И преодолевалась она исключительно насилием. А ты сын пролетариев, чего тебе бояться?

– Это тебе в твоей лаборатории нечего бояться. Ты в руки пробирку возьмёшь и будешь кричать, что это сибирская язва, она сейчас разобьётся и всем хана. Они тебя выпустят. А у меня только восемь патронов.

Неизлечимый больной

Мой друг Саша – майор медицинской службы, тот самый, который на полигоне читал «Сумерки», когда-то был молодым неопытным лейтенантом. В первый год после окончания вуза, он приехал в крупную воинскую часть и возглавил один из медицинских пунктов.

Поздняя осень, провинциальная тоска, холодные дожди.

На полигоне – по пояс грязи, которую с рычанием месят танки. В казармах ещё не включили отопление, поэтому там сыро и холодно. Новое пополнение сплошь сопливое, температуращее, угрюмое, потому что ещё помнит вкус маминых борщей и не хочет служить. Соответственно косари идут косяками, по пять-шесть человек в день. Полно работы и в моей лаборатории. Чуть ли не каждый день с утра обнаруживаю на ступеньках нового поступающего в скрюченной позиции: – Доктор, диза-а-а-а.

Знаем мы твою дизу, дорогой. Небось вчера просроченные каменные пирожки в чипке грыз, вот и просрочивает тебя сейчас. Нам не привыкать, будем лечить.

Саша зашивается. В его медпункте, рассчитанном максимум на пять койко-мест, уже благополучно отлёживаются восемнадцать человек. Активно помогает командир части. Орёт на каждом утреннем построении. Саша потихоньку начинает понимать, что совершил ошибку, выбрав профессию военного доктора.

Но пациенты не дают особо грустить. Поступают, валяются три-четыре дня, и снова в строй, а им на смену уже приходят новые.

И тут поступил Иванов. Сначала Саша его даже не заметил. Появился очередной сопливый боец с температурой 38,2. Типичная ОРВИ. Переодели, положили на освободившуюся койку в коридоре. Лежит, в телефоне копается. Дня через четыре Саша начинает готовить его к выписке. Темпе-

ратура в норме, ничего не болит. Короче выздоровел. Приходит утром в медпункт, а Иванов в рецидиве. Снова температура 39, сопли ручьём, лицо страдающее.

– Доктор, помираю.

– Не в мою смену! – бодро восклицает лейтенант и начинает снова солдата лечить.

Проходит ещё неделя. Иванов бодро идёт на выздоровление. Активно курит с тыльной стороны медпункта, ведёт переписку со своей девушкой по телефону, при этом ухлёстывает за медсестрой. Впрочем, кто за ней только не ухлёстывал. Девушка была симпатичная, даже начмед части отметил.

И в день, когда Иванов должен был наконец-то покинуть стены медпункта и вернуться в часть, у него снова случился рецидив. Теперь всё было серьёзно. Неопытным ухом Саша различил в чахоточной груди бойца бронхитные хрипы, температура стойко держалась в районе 39–39,5. Иванов, бледный и безучастный ко всему происходящему, лежал на своей койке и погибал смертью храбрых. Пришёл начмед, который в военной медицине собаку съел. Дал Саше триндюлей за то, что не может вылечить банальное ОРВИ.

Саша запаниковал и позвонил в госпиталь. Там врачи опытнее, да и возможностей побольше. Приехала буханка и увезла Иванова в город.

А на следующий день свалился сам Саша. Да не с банальным ОРВИ, а сразу с очаговой пневмонией. Иммуитет вра-

ча сдался перед постоянными вирусными и бактериальными атаками, лейтенант оставил медпункт на медсестру и на маршрутке поступил в госпиталь.

Прошла неделя. Саша помнил её смутно. Всё это время он метался в лихорадочном бреду, ему кололи исключительно болезненные антибиотики, делали рентгеновские снимки, таскали на процедуры. Приезжал начмед, привёз гостинец – бутылку «хорошего» белорусского коньяка. Посидел рядом с койкой, покачал головой, сам выпил гостинец и ушёл, погрозив пальцем и отсыпав стандартную дозу триндюлей за то, что доктор сам заболел.

Однажды утром Саша очнулся и почувствовал себя лучше. В нарушение всех режимов, завернулся в три одеяла и выполз из осточертевшей палаты, на мир посмотреть. С трудом вышел на крыльцо, присел на скамеечку. Сидит, на неяркое осеннее солнышко любуется. Кто долго болел, а потом на улицу выполз – поймёт его.

Рядом на скамейке примостились два бойца. В худом небритом парне в трёх одеялах они офицера не признали, поэтому закурили и начали болтать. Один – грустный, вздыхает, второй – весёлый, похлопывает его по плечу, подбадривает.

– Завтра выписывают, – ворчит грустный. – Опять на полигон, опять в эту грязюку.

– Дурак, ты делай как я, – веселится весёлый. – Как иду на поправку, так иду в туалет, голову в умывальнике намочу и

в форточку на пару часов её высуну. Мне опять и поплохеет. Две недели начмедпункта дурил, он у меня лошок, только из универа. Вот теперь в госпитале на второй круг иду. Тут сложнее, но тоже прокатывает. Глядишь – комиссуют скоро.

Поворачивает Саша голову – так и есть, Иванов, собственной персоной, неизлечимый больной. Довольный, радостный и цветущий. Второй месяц по медпунктам и госпиталям, солдат болеет – служба идёт.

Ничего не сказал пациенту Саша. Молча встал и пошёл к однокурснику своему Валере, который терапевтом в этом самом госпитале служил. Поговорили по душам. И через два дня расстроенный и злой на весь мир Иванов шагал в строю и проклинал отечественную военную медицину.

Если получается у вас обманывать систему – не болтайте лишнего.

Детский сад цвета хаки

Каждое лето наша часть почти на месяц превращалась в детский сад. Кто-то в министерстве образования решил, что если собрать проблемных детей со всей страны и засунуть на несколько недель в действующую воинскую часть – то они тут же проникнутся любовью к Родине и перевоспитаются. На деле эта методика оборачивалась диким геморроем непривычных к педагогике военных, детскими истериками, травмами и проклятиями в адрес чиновников.

А ещё в июле к нам на практику привозили курсантов Суворовского училища. Пожить в казармах, вдохнуть, так сказать, запах будущей профессии. Курсант, он, конечно курсант. Но никто не отменяет тот факт, что ему 13 лет, и он очень хочет к маме.

Саша Николаев домой хотел так сильно, что в один из тоскливых казарменных вечеров набрался храбрости, подошёл к открытой двери в каптёрку, засунул в щель указательный палец правой руки и со всей дури как захлопнет дверь! После этой процедуры побледневший курсант с закушенной губой поднялся в хирургию медроты и предъявил доктору криво торчащий палец.

– Поломал? – угрюмо спросил врач, представляя, как его будут любить за травму.

Саша кивнул.

– А как?

– Упал, – сквозь зубы ответил курсант.

И уже утром счастливый и с гипсом на руке ехал домой. Его, конечно, сдали боевые товарищи, и у Саши потом были неприятности за самострел. Но глядя на его довольное лицо, все понимали, что оно того стоило.

А с трудными подростками было ещё веселее. Днём их традиционно пытались загрузить физподготовкой и всяческими заданиями, но к вечеру заниматься детьми становилось некому, и они разбредались по территории части. Курили в неположенных местах, писали на стенах нехорошие слова, которые даже комчасти стеснялся вслух произносить. А так как на момент нахождения детей в части им выдавали что-то похожее на военную форму, то эти «солдаты» вызывали когнитивный диссонанс у офицеров.

Как-то вечером после тяжёлого трудового дня иду по территории части домой. Смеркается. Глаза в кучку, потому что целый день в микроскоп пялился и старался рассмотреть в массе синих грамположительных бактерий какого-нибудь засланного казачка. А у стены казармы кучкой стоят солдаты. Ну, стоят и стоят, может у них партсобрание. Подхожу ближе, и тут понимаю, что что-то неладно. Во-первых, часть солдат без головных уборов, во-вторых, маленькие они какие-то. В-третьих, вон тот, с краю, явно девушка.

– Та-а-ак, заработался, – решил я. – Надо зрение проверить.

И тут от общей массы отрывается одна фигура и идёт ко мне. Я выпрямился, переложил портфель в левую руку, в ожидании процедуры воинского приветствия, а фигура вдруг подходит вплотную и развязно так спрашивает:

– Слышь, дядя, закурить не найдётся?

Вот честное слово, секунд двадцать было чувство, что меня сейчас на территории родной части гопники настигли. Пауза затянулась. Парень смотрит на меня, я на него. И во взгляде у гопника читается «ну какие же вы, военные, тормоза». Я так и не придумал, что сказать. К счастью, в этот момент на крыльцо казармы вышел сержант и рывкнул в сторону «кучки».

– Чего стоим, б...?! Отбой пять минут назад был! Я вас что, по всей части искать должен?!

И подростки нехотя потянулись в казарму.

Дети – они страшные своей непредсказуемостью.

Бедные люди

Самые бедные, больные и несчастные люди в нашей армии – это, конечно же, генералы. Вот что, к примеру, может случиться с восемнадцатилетним солдатом? Да он же гвоздь переварит, который в жидкую кашу упал, неделю может не спать и если прикажут как следует – выкопает яму хоть до Австралии. А молодые лейтенанты и капитаны? Эти вообще лентяи. Мало того, что офицеры, ещё и думают иногда. И с молодыми жёнами у них всё в порядке. Вон, набилось их в общежитие по десять человек в комнату, и ничего, размножаются. Про прапорщиков и говорить нечего. Эти лбом кирпичную стену перешибут. Особенно если её наш стройбат укладывал.

А генералы старенькие. И зарплата у них маленькая. И здоровье пошаливает. Поэтому святая обязанность личного состава этих бедных людей поддерживать и снабжать всем необходимым.

В нашей части служил начальником медицинского пункта доктор Артём. Носил Артём капитанские погоны, поэтому в армейских порядках уже чуть-чуть разобрался. Считался неплохим доктором. Мог солдата на ноги поставить волшебной смесью воздуха и доброго слова. Ну и мамы, конечно, выручали. Как заболит солдатик, так сразу маме звонят. Мол, мамаша, так и так, приболел слегка кровиночка. Хоти-

те – будем его лечить тем, что в наличии в медпункте есть. А не хотите – привозите в часть такое-то и такое-то лекарство. Страна у нас небольшая. Мама мигом приезжали и лекарство привозили. И солдат здоров – и Родине экономия.

А всё от бедности нашей. Артём, когда только приехал в часть старшим лейтенантом-медиком получил от начемеда круглую сумму эквивалентную десяти долларам с американским президентом и был отправлен закупать лекарства на ПОЛГОДА. Он честно потратил деньги. Пошёл на местный фармзавод, договорился с мужиками у проходной и купил оптом два ведра лекарств. Ведро аспирина и ведро активированного угля. Прямо так, без упаковки, россыпью. Ещё и на упаковку глюкозы осталось.

И вот как-то приходит к нему солдатик, скрюченный буквой «зю». Мол, живот болит, помогите, доктор. Артём солдата осмотрел и задумался. По всему выходит обострение хронического гастрита и нежелание служить. Дикая смесь. Ну, с нежеланием служить справятся волшебные трындюли, а вот с гастритом надо что-то делать. Мучается же парень. Артём заглядывает в шкаф с медикаментами. Так, аспирин тут не поможет, активированный уголь, конечно, волшебное средство, но тоже не от этой патологии. Эх, и глюкоза тоже не для этого. Остаётся последнее, кардинальное средство. Капитан привычно звонит солдатской маме. Не проходит и двух часов, как мама появляется на КПП с бутылкой Альмагеля наперевес. Мол, доктор, спасайте ребёнка.

Спасибо импортной медицине, обострение гастрита утихомирили и ещё почти две трети чудодейственного средства осталось. Сидит доктор, радуется, что у него в хозяйстве кроме аспирина и угля едва початая бутылка Альмагеля образовалась. Представляет, как долгими осенними вечерами будет он чайными ложками этого чудо-средства купировать солдатам их гастриты и язвы.

Да на беду через несколько дней приезжает в часть с проверкой грозный генерал Бурулёв. Дядька седовласый, почётными орденами и юбилейными медалями увешанный. Орёл. Да в процессе скромного банкета на сорок две персоны, устроенного командиром части, обострилась у генерала его застарелая язва. Бурулёв махнул стакан лекарства – не помогает. Он второй – ещё хуже. Беда прямо с генералом.

Вызвали машину и прямо из банкетного зала повезли генерала в медпункт. И ничего, что машина стояла у медроты, в пяти километрах к северу, а от места пиршества о медпункта было двадцать шагов. Генералы – люди особенные. Им, как монгольским ханам, касаться земли ногами не положено.

Привезли Бурулёва к Артёму. Лечи, доктор. Артём про себя порадовался, что он нынче во всеоружии, и звонить генеральской маме не придётся. Достал из шкафчика бутылку Альмагеля, щедро плеснул в столовую ложку. Генерал отведал, и на лице его появилась улыбка. Полегчало. Начал за жизнь разговаривать с молодым капитаном, мудростью де-

литься. Артём генералу внимает, головой покачивает, а сам по стойке смирно стоит. Нельзя иначе с генералами разговаривать.

Устал генерал от разговора. Поднялся, по плечу похлопал, мол, «служи, сынок». И из кабинета вышел. А уходя, заветную бутылочку Альмагеля с собой прихватил. Артём проводил взглядом свои мечты о десятке купированных солдатских гастритов, хотел было кинуться вслед, указать генералу на его рассеянность. Но куда уж там. Махнул рукой. Пусть лечится старичок.

Имя генерала слегка изменено. А Артём нынче в Германии, руки коротки его достать.

Дважды сержант (история одного доктора)

В 1973 году прямо со скамьи медучилища меня призвали в ряды Советской Армии. Честно говоря, у меня было много возможностей избежать призыва, но в те годы это было ещё как-то неудобно и не принято. До афганской войны оставалось долгих шесть лет, парнем я был спортивным, имел разряды по боксу и стрельбе, поэтому бояться мне, казалось, было нечего. Ну, я и пошёл сдаваться в военкомат.

Служить попал неожиданно близко, в воинскую часть рядом с Борисовом. До родной Гродненской области оттуда – рукой подать, всего-то три сотни километров, что для необъятного Советского Союза было не расстоянием. Тогда было принято, чтобы кавказцы служили под Владивостоком, а чукчи в Крыму. А мне повезло.

Не прошло и трёх дней моей службы, как приходит в казарму незнакомый молодой капитан. Выстроил нас и строго спрашивает:

– Товарищи бойцы, кто из вас на гражданке занимался боксом?

У меня в голове мелькнуло: «Может в спортроту какую набирает?» И шагнул вперёд.

– Я, – говорю. – занимался боксом, товарищ капитан. Первый юношеский разряд.

Капитан смотрит на меня с прищуром, оценивает. Сам на полголовы ниже, но коренастый, руки большие, со сбитыми костяшками, нос не раз сломан. Видно – опытный боец.

– Ну пошли, посмотрим что ты умеешь.

Приводит меня в спортзал и протягивает боксёрские перчатки. Перчатки старые, кожа потрескалась. Воняют – хуже носков. Но мне не привыкать. У нас в клубе такие же были. Стали мы друг против друга и с первых же ударов я понял, что шансов у меня никаких. По сравнению с капитаном я – новичок. Минут пять ещё поерепенился, а потом ушёл в глухую защиту. Капитан гоняет меня по всему спортзалу, лупит как грушу, а я стою, едва огрызаюсь, чтобы уж совсем стыдно не было. И тут вижу – открылся! Я его сдуру двойкой и тут в глазах у меня потемнело. Это он специально открылся, чтобы подловить на какой-то хитрый приём. Лежу на полу, потолок рассматриваю. На потолке – доски, белой краской покрашены. И в белом колпаке лампы мухи дохлые кучкой.

– Живой? – усмехается офицер, снимая перчатки.

– Так точно, товарищ капитан!

– Молодец, – удивляется мой противник. – Хорошо держался. Толк будет. Опыта пока маловато. Но мы с этим поработаем. Иди в расположение, я поговорю с твоим командиром.

И действительно поговорил. Стали мы с капитаном пару раз в неделю в спортзале встречаться. До меня у капитана

другой спарринг-партнер был, из старослужащих, сержант Пантюх. Бывало, капитан полчаса меня гоняет, потом полчаса его. И даже не вспотеет. С этим Пантюхом у нас даже какие-то дружеские отношения сложились. Может из-за того, что лупил нас капитан нещадно обоих и были мы с ним как будто товарищи по несчастью.

Но в казарме мы с Пантюхом никогда не разговаривали. Он ведь был «дед», служил полтора года, а я только пришёл. Ему по статусу было не положено со мной общаться.

Тут всплыло, что я в армию с медучилища попал и меня тут же загнали в санинструкторы. «Дедам» это не понравилось. Потому что вместе с начмедпункта я теперь ходил на проверку приготовления пищи для солдат, а старослужащие частенько становились старшими наряда по столовой и проворачивали всякие махинации с пайком. Ни боялись, что я как-то их схемы разгадаю и расскажу обо всём офицерам. Тому же капитану-боксёру.

А тут ещё капитан учудил. Стало ему интересно, кто победит, если поставить меня против Пантюха. Стравил нас, а сам сел и любителю. Пантюх, конечно покрепче, и опыта у него в схватках с капитаном побольше. Но до армии у меня всё-таки разряд был, а он так, только баловался. В третьем раунде я его и поймал.

Поднялся Пантюх с пола и таким взглядом на меня посмотрел, что я сразу понял – врага себе нажил. Но при капитане он ничего не сказал, даже улыбку выдавил и руку мне

пожал, но злобу затаил.

А тут в части случилось ЧП. По осени начались учения с танковой бригадой. Военных врачей тогда остро не хватало, и меня санинструктора со средним образованием поставили в медобеспечение. Стою, смотрю, как танкисты отрабатывают переправу по дну мелкой реки. А делают это так. Танкисты надевают специальные водолазные маски, на сам танк крепятся высокие воздухозаборники, танк ревет двигателем и на пару минут скрывается под стылой осенней водой. Над поверхностью, словно трубы парохода, видны только воздухозаборники. Потом из воды появляется башня и вот уже ревушая громадина на другом берегу. Чихает вонючим чёрным дымом выхлопа. По броне ручьи бегут. Впечатляющее зрелище.

В этот раз всё шло, словно по учебнику. Прошёл первый танк, второй, третий. А четвёртый внезапно пошёл в сторону, качнулся на неровностях дна и застыл. Заглох. У танкистов на такой случай всё отработано, но ребята молодые, по полгода в армии. Запаниковали. Рванули вверх, а один из водителей ещё и кричать начал от испуга. Наглотался вспененной грязной воды. Товарищи его вытащили быстро, но он уже не подавал признаков жизни.

Танкисты бегают по берегу:

– Где доктор, мать его?! Зовите доктора!

А я уже бегу. С ходу начинаю парня откачивать. Вколол ему камфоры – единственное, что у меня в тот момент в ап-

течке было. Качаю. А он не качается. Лежит, холодный, мраморный, кожа медленно синеет. Но я не сдаюсь, качаю. Танкисты вокруг уже и шлемы поснимали. А я качаю, чувствуя, как под руками хрустят рёбра. Уже в раж вошёл. Думаю: «Ну, сукин сын, ты у меня не помрёшь! Только не сейчас!»

По телефону об инциденте уже докладывают командирам. Подходит ко мне кто-то из офицеров.

– Живой?

– Пока – нет.

– Понятно, – вздыхает офицер. И идёт докладывать. Мол, танк затонул, в наличии один труп. Никто уже не верил, что обойдётся.

Я уже и рук не чувствую, и у самого в глазах крошечные точки забегали. Жарко, задыхаюсь, а сам даже руки поднять не могу, чтобы ворот расстегнуть. Но не останавливаюсь. И как по волшебству, солдат захрипел. Хлынула у него из лёгких зелёная грязная вода, глаза открылись.

Слышу за спиной визг тормозов. Подлетает УАЗик командирский и выскакивает полковник, который отвечал за проведение учений. Этого полковника мы все знали и уважали. Было он из тех, кто молодым курсантом зацепил Великую Войну, награды на его груди были настоящие, заслуженные.

– Где труп? – кричит полковник.

А труп уже сидит, прислонившись спиной к кривой берёзке, смотрит по сторонам ошалелым взглядом.

Полковник в ситуацию вник быстро и полез меня обни-

мать.

– Сынок, спасибо тебе от всей части! Ты сейчас не только человека спас. Ты сейчас честь армии спас.

А я стою, от усталости соображаю плохо.

– Ты откуда, боец?

– Из Гродненской области.

– А это где?

– В Белоруссии.

– Так и мы сейчас в Белоруссии. Тебе выходит до дома недалеко. Даю тебе десять дней отпуска и младшего сержанта, чтобы дома перед родными похвастал!

– Служу Советскому Союзу!

Так всего через полгода после призыва я оказался дома в длинном почти двухнедельном отпуске. Да ещё и с лычками младшего сержанта, что тогда гарантировало мне внимание всех девушек на сельской дискотеке.

Не проходит и двух дней, как заявляется ко мне домой военком.

– Молодец! Орёл! выступи перед школьниками, расскажи им, что в армии из них сделают настоящих мужчин!

– Да зачем мне это надо? – удивляюсь я. – Отродясь нигде не выступал. Даже на комсомольском собрании. А тут нашли Кобзона, перед публикой выступать.

– Ты выступи. Я тебе к отпуску ещё три дня прибавлю.

– А вы можете?

– Я всё могу, – кивает военком.

Ну я и согласился. Привели меня в родную школу, вышел я на сцену перед сотней пацанов разного возраста и рассказал им про армию. Ну как рассказал – приукрасил сильно. Про то, как мы с «дедушками» в разные игры играли – ни слова. И про то, как в учебке хочется спать и есть – тоже. Только хорошее.

Пацаны на меня смотрят во все глаза. И в этих глазах патриотизм огоньками горит. Ещё бы. Перед ними не какой-то старик-ветеран с замшелыми воспоминаниями о далёкой войне. А почти их ровесник, младший сержант, который вот ещё недавно в этой самой школе учился. Ему и веры больше.

Некоторые из этих ребят погибли потом в Афганистане. Но мне хочется верить, что моей вины в этом нет.

Вернулся я в часть только через две недели. Отдохнул, отъелся на родительских харчах. Ещё и с собой привёз, приятелей угостить. Так сил набрался, что на первой же тренировке с капитаном, пару раз неплохо его приложил.

– Растёшь, боец, – обрадовался капитан, длинными ударами загоняя меня в угол. – Ещё бы немного и свалил бы. Надо теперь с тобой ухо остро держать.

Служил дальше. Со временем получил ещё одну лычку на погоны, стал сержантом. Подходил к концу первый год моей службы. И именно это время Пантюх выбрал, чтобы отыграться за тот проигранный бой.

До этого он как-то особо не проявлял себя. В подразде-

лении, кроме него было ещё четверо старослужащих «дедушек», но он у них верховодил и подбивал на всякие пако-сти. Доставал пару «духов», но как-то терпимо. Все понимали, что без дедовщины в армии никак и принимали это всё как должное. Меня они вовсе не трогали. Во-первых, я был единственный сержант из молодых, во-вторых, санинструктор, в-третьих, опасались, что я расскажу всё капитану-боксёру.

А тут – такой подарок. Однажды вечером, когда большая часть бойцов писали домой письма или подшивали подворотнички, Пантюх подошёл ко мне.

– Слушай, дело есть, – заговорщицким прохрипел он мне на ухо.

– Какое дело?

– Идём в «мойку», расскажу. Нельзя при всех.

У меня и мысли не мелькнуло, что он что-то задумал. Молодой я тогда был, не верилось мне в подлость людей. Только зашли, как на меня навалились сразу четверо, бросили на пол. Один сел на ноги, двое прижали руки, четвертый взгромоздился на спину и заткнул грязными лапами рот.

Пантюх с гаденькой улыбочкой склонился надо мной.

– Что, доктор, не дышишь? Не сцы! Мы тебя сейчас в «черпаки» переводить будем. Святая армейская традиция.

Чувствую, стягивают с меня штаны. Напрягся, дергаюсь изо всех сил. Но куда там. Их четверо, все тяжелее меня. А дверь закрыта плотно, другие солдаты в казарме и не слышат

ничего. А даже если и слышат – никто не поможет. Все бо-
ются «дедушек».

Пантюх достал солдатский ремень и принялся меня лу-
пить. По традиции он должен был нанести мне всего двена-
дцать ударов, переводя из «слонов» в «черпаки», но нена-
висть его ко мне была так сильна, что он увлекся и бил уже
без разбору. Даже его товарищи заволновались:

– Серый, Серый, ты чего? – подал голос тот, кто сидел на
моей правой руке. – Хватит уже.

– погоди. Я тут за один должок рассчитаюсь, – тяжело ды-
ша, ответил Пантюх. И бил дальше.

Наконец он то ли устал, то ли отвёл душу. Меня отпусти-
ли. Я встал, застёгивая штаны, весь белый от боли и униже-
ния.

– Ну что, понял? – с прежней гадкой ухмылочкой спросил
Пантюх.

И тут я ему врезал. Без сомнения – это был лучший удар
в моей жизни. Отлично понимая, что нанести второй удар
мне не дадут, я вложил в него всю свою злость на этого гада,
весь опыт, всю силу, накопленную на тренировках с капита-
ном. Пантюха даже как-то приподняло над кафельным по-
лом мойки. Он врезался спиной в стену и сполз вниз. В ту же
секунду один из «дедушек» разбил ярко горящую электри-
ческую лампочку и «мойка» погрузилась в кромешную тьму.

Слышу из этой темноты:

– Пантюх, ты как? – это Зяма, второй по иерархии «де-

душка», правая рука Пантюха.

В ответ – стон. А потом с трудом:

– Он мне шелюшть сломал!

– Что с ним делать будем.

И тут шипящее, полное ненависти:

– Убьём!

Я прижался спиной к умывальникам.

– Подходите, гады! Сейчас я вас всех.

Тишина. Молчат. Опасаются подходить первыми. А глаза мои потихоньку к темноте привыкают. И вижу я в этой темноте крохотную щёлочку под дверью, через которую едва видимый свет пробивается. На этот спасительный свет я и рванул. Кто-то молча бросился мне наперерез, но я оттолкнул его всем телом, сбил с ног, с размаху распахнул дверь и вывалился в коридор. Мне вслед кричали, грозили, но я уже бежал прочь.

Всю ночь я прятался под лестницей. Меня искали. Мимо ходили какие-то тени, негромко матерясь сквозь зубы.

Утром в казарму пришёл офицер. Построил нас, и началась обычная армейская нудятина. Зарядка, пробежка, застилание кроватей, умывание. Пантюх с распухшей мордой прятался за спинами. Каким чудом его не замечали – ума не приложу. Зато Зяма на построении, проходя мимо, прошипел:

– П... да тебе, Док. Не жить тебе больше.

Терять мне было нечего. Как санинструктор я проверял

качество приготовляемой пищи. Прихожу в столовую, где Зяма в то утро назначен старим наряда. И обращаюсь к дежурному прапорщику.

– Товарищ прапорщик, разрешите позвать старшего по наряду.

– А, санинструктор? – важно кивает прапорщик. – Зачем он тебе?

– Надо решить кое-какие организационные вопросы.

– Решайте, – пожимает плечами прапорщик. – Эй, Зяма, иди сюда!

– Я лучше сам.

– Ну иди, – сказал прапорщик и равнодушно отвернулся.

Мне только этого и надо. Я перехватил Зяму в «холодном цеху». В крошечной вонючей комнатке, где натирали свёклу на салаты и резали капусту. Зажал его в углу и начал методично и молча бить. Представлял, как они отыграются на мне и бил ещё сильнее. Бил за Пантюха, за всю их подлую компашку. Зяма быстро понял, что сопротивление бесполезно. Только закрывался руками. А я крушил ему ребра, бил по почкам и в печень. Наконец он свалился и заскулил.

– Лезь под стол, сука, – прорывал я.

Он полез. Забрался под стол, обитый оцинкованной жестию, свернулся в комочек и скулил, как собачонка. Я вспоминал, какой он гордый и страшный ходил по казарме ещё совсем недавно. И не удержался. От всей души двинул ему сапогом в живот.

– Если выживу – убью вас всех по одному, – пообещал я. И ушёл.

Они бы меня конечно достали этой же ночью. Но спасла случайность. Как Пантюх не прятал от офицеров свою разбитую морду, его заметил замполит. А тогда в армии разбитое лицо солдата – это скандал. Замполит отвёл Пантюха в ленинскую комнату и принялся допрашивать. Тот и не сопротивлялся особо. Мигом меня сдал. А тут и Зяма из столовой выполз.

Собрались офицеры части. Принялись меня позорить. Я молчу.

– За что ты избил сослуживцев?

Молчу.

– Ты же комсомолец! Ты – сержант Советской Армии.

В общем, обычная болтология. И вот понимают же, гады, что произошло. Просто так боец, едва разменявший первый год службы не набросится на почти дембелей, не станет их бить. Но я же молчу. А Зяма с Пантюхом всё на меня валят.

Грозил мне дисбат. А может что ещё и похуже. Вывели меня перед строем и демонстративно сержантские погоны содрали. За дискредитацию образа советского сержанта и так далее. Посадили на губу. Сижу, жду чем всё это закончится. В камере холодно, сыро, плесень по углам. Хлоркой воняет так, что в глазах щиплет.

С неделю так просидел, света белого не видел. Только через крошечное зарешечённое окошко под потолком. Самое

страшное в этом сидении – мозг занять нечем. Почитать только Устав дают. А чего его читать – я его наизусть от корки до корки помню. Так я принялся Устав задом наперёд учить. Очень забавно получилось. Будто демонов вызываешь.

И тут вдруг открывается дверь и заходит капитан-боксёр.
– Сидишь? – спрашивает.

– Сижу.

– Что произошло – конечно же не расскажешь?

Молчу. Вот сейчас понимаю, что глупо это всё было. Может и стоило рассказать. Но тогда гордость не позволила.

– Ладно, – вздохнул капитан. – Совсем тебя вытащить не получается. Но повезло тебе. Завтра на целину едет полсотни бойцов нашего подразделения. Мне удалось договориться. Да и полковник, тот самый, который тебя на переправе обнимал, заступился. Поедешь на целину санинструктором. Погоня само собой у тебя опять чистые. Но тут уж ничего поделать не могу.

На целину – это значит в колхоз. Тогда часто снимали по осени солдат помогать отстающим колхозам убирать урожай. Те солдаты, да профессора со студентами – бесплатная рабочая сила.

Поехали. Привезли нас в Восточную Украину, на бескрайние свекольные поля. А мне и хорошо. Сельской работы я не боялся. Главное, что Пантюх с Зямой оказались за полтысячи километров от меня. Работаю потихоньку. Свеклу дер-

гаю. А когда какой-нибудь городской лопух палец себе порежет, или ногу пропорет – раны обрабатываю, повязки накладываю. Природа, птички поют, кормят неплохо – благодать.

А тут приезжает на поле председательский «козелок» и вываливается оттуда седой полный старик в пиджаке. Пиджак с орденскими планками. Тогда ветераны орденами очень гордились, везде эти пиджаки с планками носили. Народ ещё помнил, кто в Великой Войне победил и какой ценой.

– Эй, солдаты! – хрипит ветеран. – Тут говорят у вас доктор есть!

– Есть, – отвечают ему. И меня зовут.

Я, как был, с ведром в руках, в грязи по уши к «козелку» подошёл.

– Чего надо? – спрашиваю.

А сам уже вижу чего надо. Ветеран человек тучный, и лицо синее, дышит с присвистом, тяжело. Видно – приступ астмы замучил.

– Астма? – спрашиваю.

– Она самая, будь неладна! – хрипит ветеран. – Я к нашему фельдшеру ехал, а он пьян с утра, скотина. Лыка не вяжет. А мне говорят – у солдат доктор есть. Поможешь?

– Помогу, – говорю я, прикидывая, что уж чего-чего, а эуфиллина у меня в аптечке навалом.

Уколол ему. Деду на глазах полегчало.

– Спасибо тебе, солдатик. Я ту зам председателя колхоза,

не последний человек. Может надо чего?

– Да всё вроде есть. Кормят хорошо, работаем по силам. Спасибо за предложение.

– Не скромничай, – нахмурился дед. – Поговорю я с твоим командиром.

И поговорил. Дед оказался не простой, а целый Герой Советского Союза. Короче на все три месяца, что мы в том колхозе урожай убирали, забрал он меня к себе домой. Кормил, поил, истории всякие рассказывал. Я на поля приезжал только по медицинской надобности. А как-то вечером, за стаканом самогона как-то само собой и про Пантюха с Зямой рассказало.

Дед рассвирепел! Принялся орать, кулаком по столу стучать!

– Да как они могли! Да я им всем покажу!

И развил такую деятельность, что я даже испугался. Написал несколько писем командованию. Да таких грозных, что сержантское звание мне тут же вернули. Приехал я в начале декабря в часть со стопкой благодарственных писем от Героя Советского Союза. Мол, «проявил себя..., достоин... показал себя, как отличный специалист и настоящий коммунист...» Ну и так далее. Мне с такой протекцией сразу старшего сержанта дали.

Пантюх с Зямой и остальные «деды» к тому времени на дембель ушли, а новоявленные «дедушки» со мной связываться побоялись. Наслышаны были про мои приключения.

Так и дослужил я спокойно. Последние месяца три и вовсе, как в санатории. Свободного времени у меня было много, так что я набрал учебников и начал в мединститут готовиться. Наверное, благодаря армии и поступил. И настоящим врачом стал.

А Зяму с Пантюхом больше никогда не видел. Союз тогда был большой, вместо Интернета – почта, бумажные письма. Уехали они по своим городам, и с концами.

Ну и к лучшему.

Трус не играет в страйкбол

После окончания контракта я оставил военную медицину, покинул ряды Вооруженных сил и ушел работать на гражданку. Однако среди моих знакомых осталось множество врачей и офицеров, так или иначе связанных с силовыми структурами. Про приключения этих знакомых следующая история.

Коля – артиллерист. В Академию его пинками затолкал отец, хотя у Коли даже в бесшабашной юности были отличные навыки бизнесмена. В угоду родителю Коля отучился, как многие молодые офицеры отмучил первый контракт и ушел в бизнес. Теперь он «владелец заводов и пароходов», но иногда долгими осенними вечерами тоска по одежде цвета хаки и оружию берет свое. И тогда Коля идет в страйкбольный клуб, где по зову души подрабатывает каким-то инструктором. Платят ему там копейки, но главное – процесс. Два десятка brutальных пузатых мужиков смотрят на Колю, как на Наставника. А гуру вещает им банальности из своей военной подготовки. Вместе они ползают по болотам по уши в грязи и играют в стрелялки. Мужики, они и в сорок лет дети, любят поиграть в войнушку.

Второго товарища зовут Денис. После первого контракта в армии он перешел под крыло другой силовой структуры и попал медиком в очень серьезную организацию, одной

из функций которой является противостояние различным нехорошим преступникам.

Встречаемся мы редко. Судьба развела бывших и не бывших офицеров в разные стороны и подчас проблемы одного уже не интересны другому. Но баня – это святое. И раз в год в одной из городских саун мы собираемся и, разглядывая толстеющие животы друг друга, пьем пиво.

На очередном банном мероприятии Коля и Денис встретились, немного выпили и разговорились.

Коля рассказывал про свой автосервис, о карьере инструктора в клубе, Денис больше помалкивал, чтоб не выдать ненароком какую-нибудь военную тайну. А после третьего захода в парилку и второго литра пива Коля вдруг заявил:

– Вот бы моим орлам где-нибудь на настоящем полигоне побегать? Давно ноют. Хочется им атмосферы, понимаешь ли. Ощутить вкус настоящего боя. Познакомиться с профессионалами. А то все наши побегушки по лесу – это так, игра одна.

Денис помалкивает, поглядывает на Колю и на его лицо начинающего разведчика не отражается ни единой эмоции.

Ещё один заход в парилку, ещё литр тёмного пива. Денис уже поглядывает на Колю с одобрением и в голове его шевелятся какие-то идеи. А Коля – бизнесмен, он это чувствует и сразу берёт быка за рога, пока клиент тёпленький.

– Ну что тебе стоит? У вас ведь есть какое-то подразделе-

ние, чтобы не особо секретное? Мы и поигрались бы с ними.

И вдруг Денис кивает.

– Есть у меня один товарищ. Тренирует как раз такое подразделение. Так недавно жаловался мне, что скучно им друг с другом всё время воевать. Все ухватки и привычки уже примелькались. Надо кого-то свежего, необстрелянного. Спрошу у него – может как раз твои страйкболисты подойду.

Попили пива и разошлись. А через пару дней звонит Коля по телефону серьёзный голос:

– Николай Владимирович?

– Я, – холодеет Коля, вспоминая какие за ним грешки водятся.

– Со мной тут Денис Иванович разговаривал по поводу ваших бойцов из страйкбольного клуба.

– Фу-у-ух, – отлегло у Коли. – Нельзя же так пугать.

– А я ещё и не начинал, – с едва слышным оттенком удивления сказал голос. – Хотелось бы согласовать время мероприятия.

– Так нам можно будет..?

– Конечно, – отрывисто сказал голос. – Вы сегодня обзвоните команду, и вечером я с вами свяжусь.

«Я же десять лет в армии служил, – жаловался потом Коля. – И вот должен был заподозрить, задуматься. Но словно мозг мой отключился. Заплыл жирком на гражданке».

Радостный Коля обзвонил страйкболистов и те с радостными воплями тут же на всё согласились. Ещё бы! Насто-

ящий полигон, настоящие профессионалы рядом с ними. Мечта любого мальчишки с пяти до семидесяти лет. В сумерках позвонил серьёзный голос и согласовал время мероприятия на субботнее утро.

В субботу страйкболисты собрались у Колиного подъезда. Брутальные от носков до кепок. Все в хаки, в дорогуших армейских ботинках, разработанных французскими модельерами, оружие блестит – хоть сейчас в джунгли, на Хищника охотиться. Каждый вбухал в амуницию стоимость небольшого автомобиля. Сидят, курят, переговариваются возбуждённо. Соседи, завидев группу вооружённых до зубов людей, попрятались по квартирам.

И тут заезжают во двор две потрёпанные неприметные газельки и водители их – неприметные парни в обычных джинсах и свитерах зовут бравых вояк.

– Эй, это вы на полигон? Поехали.

Бойцы слегка приуныли. Они ожидали, что за ними как минимум приедут на танке или БТРе, а лучше прямо посреди двора опустится бронированный вертолёт Черная акула с полным боекомплектом, а тут какие-то газельки. Но раз зовут – надо ехать.

Часа два газельки кружили по каким-то лесам и болотам, пока не подъехали к шлагбауму, перегораживающему разбитую гравийку. Над шлагбаумом висело грозное предупреждение: «Стой. Стрелковый полигон». Страйкболисты ожились. Грозная надпись обещала приключения.

В салоны заглянул хмурый прапорщик в полевой форме, проверил у водителей какие-то документы и махнул рукой.

– Проезжайте.

Газельки с натужным рёвом взяли с места, прорвались по грязи и лужам и остановились возле двух панельных пятиэтажек без окон и дверей, которые какой-то идиот поставил прямо посреди поля.

– Выгружайтесь, – скомандовали водители.

У пятиэтажек маячили несколько человек в полевой форме без знаков различия. Вперёд выступил улыбчивый молодой человек и от всей души пожал каждому руку.

– Владимир, – представился он. – Я отвечаю за данное мероприятия. Надеюсь, проблем с сердцем и желудочно-кишечным трактом ни у кого нет?

Страйкболисты нервно захихикали. Были они солидные состоявшиеся дядьки, но перед этим молодым товарищем чувствовали себя чуть ли не детьми.

– Ну и отлично, – расцвёл Владимир. – Объясняю сценарий. Группа террористов в составе...

Он посчитал по головам.

– ... восьми человек захватила заложников, – он кивнул на сопровождающих его одинаково бритых и скучных лицами парней. – Штурм будет проводиться вполсилы, поэтому вашему здоровью и жизни ничего не угрожает. Занимайте позиции.

– А разве вы ничего проверять не будете? – робко спросил

Коля.

– А мы всё уже проверили, – снова улыбнулся Владимир. – Не переживайте, Николай Владимирович. Если что – доктора у нас рядом. А Денис Иванович сами знаете какой специалист.

«Надо было мне тогда бежать, – вздыхает Коля. – Прямо пешком по полю и грязи, к КПП. И домой, домой...»

Поднялись в пятиэтажку. Пустые бетонные стены, сквозь выбитые окна свищут сквозняки, пол усыпан битым стеклом. Устроились на третьем этаже. Усадили «заложников» в центре комнаты, сами сели по периметру. Заняли позиции у стен, у окон. Всё как на ладони. И как они с такой видимостью будут штурм проводить? Может в составе спецподразделения невидимки есть?

Кто-то закурил. Запрета ведь на курение никто не озвучил. Да и в углу, словно знаки из прошлого обнаружилось несколько раскисших, покрытых плесенью окурков. Значит до них тут были люди. Курили. Думали что-то своё личное. О доме, о бизнесе. Начался скучный осенний дождик, он падал с серого, затянутого тучами неба какой-то противной моросью, навевал тоскливые мысли...

Штурм начался сразу и без предупреждения. Из-за угла с рёвом вылетела БМП, подняла на уровень окон пулемёт и грохнула длинной очередью. Тотчас же сквозь оконные проёмы полетели свето-шумовые гранаты и посыпались люди в камуфляже. Грохот, свист, вопли!

– Автомат-то я поднять успел, – рассказывал потом Коля. – И даже сделал шаг назад, в угол, чтобы начать отстреливаться. Но тут откуда-то сбоку прилетело – и дальше я ничего не помню.

Очнулся Коля уже на улице. Над ним склонился улыбчивый Владимир и мягко похлопывал его по щеке.

– Ну же, Николай Владимирович, вы же военный человек. Приходите в себя.

Коля с трудом разлепил глаза и посмотрел по сторонам. Рядом лежали его товарищи по страйкболу. Кто-то испуганно икал. Кто-то быстро что-то говорил, заикаясь. Двое сидели, понутив головы. От них пахло. Серьёзный парень в камуфляже, склонился над директором фирмы Вадимом Петровичем и тыкал ему под нос ватку с нашатырём. Ещё двое обрабатывали ссадины и царапины «террористам» шипящей перекисью. Все кажется живы.

– Спасибо вам от чистого сердца, за отлично проведённое мероприятия, – бодро сказал улыбчивый Владимир. – Рассказывать про него можно, особой военной тайны тут нет. И если захотите опять поучаствовать – наемкните Денису Ивановичу, он с нами свяжется.

Коля ошалело посмотрел на него. Бодрый Владимир улыбался, но видимо не шутил.

Четверо страйкболистов ушли из клуба. Остальные с Колей потом неделю не разговаривали. Почём зря. Если бы он знал, как дело обернётся – разве согласился бы. А заикание

прошло через пару дней.

Во время штурма выстрелить никто не успел. Ни одного раза.

Автошкола

Мне было двадцать восемь лет. Я служил военным эпидемиологом в одной из крупнейших частей страны, жил на крошечной съёмной квартире, отдавая за неё половину зарплаты. Моя жена каждое утро вставала затемно и, ломая каблуки, спешила на электричку, в Минск. В девять утра у неё начинались пары в университете. Офицерская жена должна стойко переносить, ну и как там дальше, по Уставу...

Денег мне едва хватало на еду. А вот ни с того, ни с сего зашевелилась у меня мысль отучиться в автошколе и получить-таки права. Зачем? Я и сам себе не мог объяснить. Никаких шансов в обозримом будущем приобрести собственный автомобиль, у меня не было.

Но решил, значит решил.

ДОСААФ

Для начала я поехал в организацию, где учились все солдаты моей части – в ДОСААФ. В бетонной будке на краю огромного поля, утыканного полосатыми палками, я нашёл какого-то мрачного мужика, который что-то чиркал в журнале с желтоватыми листками. От мужика и от журнала веяло безнадёжным бюрократизмом и скукой.

– Добрый день. Можно у вас записаться на октябрь? –

спросил я.

– Добрый день, – ответил мужик, едва отрывая буйну голову от журнала. – Конечно можно. Сейчас я найду запись на октябрь и внесу вас.

Я удивился простоте, с которой у меня всё получилось. Мне рассказывали какие-то страшные байки про огромные очереди в автошколы города. А тут – вот так, с ходу.

– Итак, – мужик с трудом открыл слипшиеся страницы, пахнувшие плесенью. – Так, на октябрь. Октябрь 2010 – есть ещё двадцать мест.

– Погодите, – удивился я. – Какой 2010? На дворе 2008-й год.

– Так всё правильно, – пожал плечами бюрократ. – У нас запись на два года вперёд. В городе всего три автошколы. Наша и две частные. К нам тут очередь. Так вас записывать?

И стало мне уже не так весело.

– Не надо, – говорю я. – А где эти частные автошколы находятся?

– Одна возле вокзала. Но вы там уже опоздали, они позавчера всех набрали, – с готовностью отозвался мужик. – А вот «Приоритет» как раз завтра записывает на октябрь. По-езжайте.

И журнал захлопнул.

«Приоритет»

Я поехал. В другой конец города. Надо же разведку провести, что там, да как. По дороге не удержался, похвастался маршрутичку – мол, на права еду записываться.

– Это в «Приоритет» что ли? – кивнул головой водила. – Нужное дело. Только какой-то ты, лейтенант, не готовый.

– В смысле?

– Ну, ни одеяло не взял, ни термос.

– Зачем, – я почуял неладное. – Запись ведь только завтра в девять. Я думал – приеду часов в семь.

– Тебе что, не рассказали? – удивлённо посмотрел на меня водила.

– Не рассказали.

– Там люди с вечера очередь занимают. Ночуют под автошколой, чтобы с утра записаться. Ты не выходи сейчас, я тебя по кругу обратно отвезу, захватишь одеяло, выпить чего-нибудь. И прямо сейчас езжай, а то мест не будет.

Я посмотрел на него в «лёгком удивлении». Поначалу решил, что он подшутить решил, но водитель смотрел на меня с таким сочувствием и с такими серьёзными глазами, что я совету внял. Приезжаю под автошколу часов в шесть вечера. Автошкола – на первом этаже какого-то ПТУ. Смотрю – ну ничего себе, товарищи. На стадионе, перед автошколой уже полно народа. Кто-то сидит прямо на траве, водку пьёт,

кто-то прикорнул возле деревьев. Стоит несколько машин, откуда льётся вразнобой музыка. Всё больше шансон и какая-то незамысловатая попса. Какие-то тёмные тени кочуют от компании к компании. В общем – народные гуляния.

Пробился я в центр всего этого безобразия. А в центре – дамочка лет сорока с волшебной тетрадкой, куда она всех по живой очереди вписывает. В шесть вечера, за 13 часов до записи, я был уже предпоследний. Все, кто приехал после – уже в списки не попали.

Но народ не унывал. Вновь прибывающие оставались в непонятной надежде. Раскладывали одеяла, доставали термосы и бутылки с горячительным. Хрустели огурцами, шелестели фольгой, в которую была завёрнута курица. Нарезали колбасу на бутерброды. Где-то, кажется в яме с песком для прыжков в длину, развели костёр и принялись жарить шашлыки.

Народ у нас гостеприимный. Меня с ходу позвали сразу в три компании. Налили стакан, дали закусить, поговорили за жизнь.

– А неплохо, – решил я, знакомясь с соседями по несчастью. – Так можно и ночь отсидеть. Даже какое-то приключение получается.

В пять часов утра прошёл слух, что дамочка с тетрадкой пропала и записывать будут заново, по живой очереди. Народ встал и двинулся к дверям автошколы. И вот тут начались конфликты.

– Вас тут не стояло! – сразу же послышался визгливый женский голос.

– Как это – не стояло?! – удивился нетрезвый мужской. – Я за бабой с рыжими волосами записывался. Ещё в пять вечера.

– За какой бабой? Я сама видела, как ты в двенадцать приехал.

– А сама-то ты откуда взялась?

– Вы чего мне хамите?

– Хамлю? Я ещё даже не начинал.

– Вася, чего ты молчишь? Меня тут оскорбляют!

– Э-э, ты как с моей женой разговариваешь?!

Ну и дальше в таком же духе. Где-то на краю началась рукопашная. Вызвали милицию. Явились три сонных ППС-ника, злобно ворча, что каждый год одно и то же. Толпа немного притихла. ППС-ники присели в стороне, на турниках, захрустели огурцами и зашелестели фольгой от курицы. Увидели костёр, и пошли грозить шашлычникам. Получили по куску холодного мяса и успокоились.

В полдевятого к зданию подъехала машина. Сигналя, она попыталась пробиться к парковке, возле дверей автошколы. Плотная мрачная толпа её не пускала. Водитель внутри разозлился, взревел мотором, пугая. За что его тут же выволокли наружу и слегка помяли. ППС-ники, подкупленные огурцами и курицей, в это время вежливо смотрели в другую сторону.

Оказалось, это приехал директор автошколы. Узнав об этом, его тут же поставили на ноги, стряхнули пыль и на руках перенесли к дверям.

– Уволюсь, уволюсь к чертям, – шептал он, нервно глотая какие-то таблетки. – Каждый год себе клянусь, что уволюсь!

Открылась дверь. И... Нет, не так. И-И-И!!!

Взятие Зимнего дворца побледнело от зависти. Народ качнулся. Затрещали двери. Здание ПТУ содрогнулось до самого фундамента. С крыши снялась стая ворон и с криками закружилась в осеннем небе. Откуда-то выскользнула давешняя дамочка со списком и начала выкрикивать фамилии. Половина народа вздохнула с облегчением, вторая половина разочарованно замычала. Лежащие на травке стадиона тела, не выдержавшие борьбы с напряжённым ожиданием, замычали из сочувствия. К телам потянулись ППС-ники. Вырезвителю тоже надо было выполнять план.

Прозвучала и моя фамилия. На трясущихся ногах, уже не веря в то, что всё пройдёт благополучно, я устроился на жёстком табурете в сыром полуподвальном классе, с древними плакатами перекрёстков на стенах и разобранным движком в углу.

Нас пересчитали по головам.

– Товарищи, кто-то лишний. По списку – тридцать человек, а по факту – тридцать один.

Класс безмолвствует. Все опускают головы. Никому не хочется быть лишним, и все втайне подозревают, что ошибка

коснётся непременно его.

– Граждане, ну взрослые же люди, чего молчим?

Тишина. Слышно, как снаружи матерятся те, кто не попал в списки.

Начали перечислять фамилии. Надо было как в школе встать и сказать «Я!». С первого раза ничего не получилось. Но со второго вычислили тихую тётку лет тридцати пяти, которая спряталась в углу.

– Женщина, как вам не стыдно?! – возмутилась организаторша со списком. – Вас же несколько раз просили.

– А я всю ночь перед вашей автошколой отсидела! – огрызнулась лишняя. – Да вы вообще над людьми издеваетесь. Вот, народ не даст соврать, – и она широким жестом показала на нас.

Народ не поддержал. Каждому было дорого его место в списке. И лишняя, проклиная нас, удалилась.

– Вот теперь, кажется, всё сошлось, – жалко улыбнулась организаторша.

И все тридцать человек с облегчением выдохнули.

Медкомиссия

После записи в автошколу мне предстояло пройти медкомиссию. Вообще, нормальные люди делают это ДО записи. Но я же ненормальный. Я и про очередь узнал в день записи. Спасибо разговорчивому маршрутчику, что просветил. Вот

и в рассказе ему напишу: «Спасибо».

А куда идти на медкомиссию? Я ж офицер, значит в военный госпиталь. То что я военный эпидемиолог, и курирую этот госпиталь в плане сан. – эпид. режима я как-то не подумал. Молодой был. Наивный.

Прихожу со всеми бумажками-направлениями. Смотрю – по кабинетам бегают десятка три великовозрастных мужичков с похожими листочками. О, мне сюда. С ходу заскакиваю к окулисту.

– Здрасьте!

Окулист смотрит на меня хмуро. Протягиваю листочек.

– Я на водительскую комиссию.

Доктор осторожно берет бумажку. Смотрит на меня, на листок, снова на меня.

– Садитесь.

Закрываю правый глаз, левый, бодро диктую буквы. На зрение никогда не жаловался, поэтому без проблем получаю первый заветный штампик.

В кабинет к хирургу очередь. Ну ладно, посижу. Спрашиваю, кто крайний, устраиваюсь на скамейке, открываю книгу. Минут через пять замечаю нездоровую суету вокруг. Мимо пробегает медсестра.

– Здрасьте!

– Здравствуйте, – улыбаюсь я.

Кабинет хирурга открывается, высовывается врач.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – киваю я.

Хирург прячется. Снова открывает дверь. Смотрит на меня. Молчит, выжидаяще. И я молчу. Я в очереди. И передо мной ещё человек десять. Хирург качает головой, прячется в кабинете.

Ещё через минуту в громе и молниях появляется главная медсестра госпиталя. Становится передо мной с сердитым лицом.

– Павел Владимирович, вам не стыдно?

«Ну вот, только пришёл, ещё ничего не сделал. За что мне стыдно?» – в панике думаю я.

– Тут уже полгоспиталя на ушах. В кабинетах срочные генеральные уборки. А он на медкомиссию пришёл! – отчитывает меня главная медсестра. – Хорошо хоть окулист вас сдал.

Вырывает у меня из рук листочек.

– Пошли со мной!

Заходит к хирургу. Штамп! К урологу. Штамп! К терапевту. Штамп! Пять минут – и заветный листочек заполнен. Очереди на комиссию смотрят на меня враждебно. Перешёптываются «Блатной!». А я чего? Я тут при чём?

– Спасибо, – робко улыбаюсь я.

– Не за что, – кивает главная медсестра. – Не пугайте нас больше. И запомните – служебным положением иногда надо пользоваться!

– Да я как-то не подумал.

– Не подумал он. А мне в панике звонят – в поликлиническом отделении проверяющий сидит! Я к графику – до следующей проверки два месяца. Что случилось? Что-то экстренное! А мы не готовы. Благо окулист позвонил и хохму рассказал, что к нему только что эпидемиолог за печатью приходил. А то бы все рекорды по генеральной уборке побили. Вам машину с водителем дать, чтобы до части доехать?

– Спасибо, – покраснел я. – Лучше как-нибудь сам.

Обучение

Теория у меня пошла хорошо. Человек, который семь лет оттрубил в медуниверситете, способен выучить все знаки и повороты. А вот с практикой у меня не сложилось. Достался эдакий нервный, вечно кричащий товарищ, которому жутко не нравилось всё, что я делаю. А так как в восемь мне было на службу, то на вождение к 7.00 я приходил в форме, при фуражке и погонах. Именно этот факт почему-то раздражал моего инструктора.

Он ворчал на одной ноте:

– Ну куда? Куда мы едем? Кто так газует? Ты слышишь, машина ревёт!

И в конце концов срывался:

– Да кто ж так тормозит?!

Я выходил из себя, рявкал:

– Не ори на офицера!

Инструктор пугался и на пять минут замолкал. Потом опять начинал ворчать. Так мы с ним и катались. «Белая гвардия», блин!

Теорию я сдал с первого раза. Площадку.... ну ладно, с восьмого, будь проклят иезуит, придумавший диагональную парковку. Город – с первого.

Получил права и положил их на полку. Ещё почти на год. Кто ж знал, что всего через год они мне остро понадобятся.

Протеже

После автошколы был ещё один забавный случай, с ней связанный. В группе я познакомился с двумя-тремя такими же курсантами, общался с ними, а с прочими только здоровался. Пришел пару раз в форме, все знали, что я военврач, ну и не спрашивали больше. Доктор – и доктор.

Народ подобрался разный. Были бухгалтера, экономисты с высшим образованием, были ребята попроще – водопроводчик, дорожный рабочий, несколько студентов. В автошколе мы все были равны, все курсанты. После окончания мы один раз собрались группой – выпили слегка – ну и разошлись.

А тут приезжаю с проверкой в одну из офицерских столовых.

Прошёлся по цехам, поспрашивал персонал на соблюдение инструкций, продукты на сроки годности. Сижу в каби-

нете заведующей, акт заполняю. Заведующая слегка нервничает, предлагает мне то кофе, то обед. Я качаю головой – сначала дело, обед потом.

И тут вижу краем глаза – кто-то в кабинет заходит. Поднимаю голову – знакомое лицо. Парень, кажется Вадик, учились мы с ним в автошколе. Пару раз словами перекинулись, но как-то не сошлись. У него была своя компания – у меня своя. А тут он. Заходит в кабинет заведующей с коробкой в руках.

– О, – удивился Вадик. – А ты что тут делаешь?

– Вадим, ты как разговариваешь? – вспыхнула заведующая. – Поставь ящик в угол, и иди себе.

– Ага, сейчас поставлю. Так что ты, доктор тут забыл? У нас вроде сейчас какой-то проверяющий приедет.

– Вадим, – краснеет заведующая. – Это и есть проверяющий.

– Вот оно как, – Вадим небрежным жестом скинул ящик и уселся напротив меня за стол. – Ну, как жизнь? Как ездешь?

– Да не езжу ещё, – покачал головой я. – Не на чем.

– Вадим, принеси ещё один ящик.

– Ага, – не поднимаясь со стула, кивнул Вадик. – Так, говоришь, не ездешь ещё?

Насилу заведующая его вытолкала.

– Откуда вы Вадима знаете? – спрашивает меня.

– Да учились вместе в автошколе, – без задней мысли отвечаю я.

Акт подписал и ушёл.

Заведующая мне звонит через несколько дней:

– Павел Владимирович, есть серьёзный разговор.

– Слушаю вас.

– Вы поговорите со своим протеже. Я всё понимаю, но после вашего визита совсем от рук отбился. Ничего делать не хочет, хамит.

– С каким протеже? – удивился я.

– Так с Вадиком, грузчиком нашим. Он теперь на каждом углу рассказывает, какие вы друзья и что нам будет, если он вам пожалуется.

– Марина Николаевна, – говорю я. – Гоните вашего Вадика в шею.

– Так вы с ним не друзья? – с угрозой в голосе спрашивает заведующая.

– Никак нет.

– Ну, Вадик! – шипит заведующая.

Досталось, наверное, Вадiku. А нечего.

Ребята с нашего двора

Приключения гопника

Знакомство

Давным-давно обещал я читателю истории про гопников. Да всё как-то руки не доходили. Но ведь надо выполнять обещания.

Лет в шестнадцать, видимо под воздействием гормонов, моя крыша решила развернуться на 180 градусов. Я спрятал подальше кассеты с «Морбид Айнджел» и «Нирваной», безжалостно обкорнал свои патлы до плеч и ушел к гопникам. Благо ходить далеко не пришлось. Стан бывших врагов располагался в соседнем подъезде.

Среди гопников было немало моих одноклассников, поэтому слияние с коллективом прошло без особых эксцессов. Подошёл, сел на ступеньки рядом с главным. Протянул руку:

– Паша.

– Лёха, – хриплым от курения юношеским дискантом ответил главный.

Я вытянул из кармана пачку ЛМ. Со всех сторон потяну-

лись руки. Пачка опустела. Вход в стаю состоялся.

Стая была небольшая. Пятнадцать-двадцать парней в возрасте от 13-то до 17-ти и десяток девушек. Главным был, конечно, Лёха. Гроза района, три года кикбоксинга, условное за кражу старенького монитора в родной школе, второй курс строительного ПТУ. Причёска под бокс, семки, торчащие уши.

Лёха был эпичен. Во-первых, он был классический гопник. Спортивные штаны, рваная джинсовая куртка, белые носки и черные кожаные туфли. Красавец, глаз не оторвать. Во-вторых, он умел рассказывать истории. Точнее «толкать рОманы». Врал так чистосердечно, что ему верили. Писал бы истории в Интернете – собрал бы тысячи поклонников. Но в 95-м году весь талант Лёхи тратился на нас, на тех, кто сидел рядом с ним на ступеньках в подъезде или на спинке дворовой скамейки. Истории не отличались разнообразием. Они вертелись вокруг трёх основных тем: как Лёха лихо выпил какое-то количество алкоголя, а потом ничего не помнил; как ловко и много раз проявил себя в общении с девушками; и как одним ударом обратил в бегство огромную армию врагов. В алкоголь и врагов как-то верилось, а вот с девушками у Лёхи точно не клеилось.

И вот с этим великолепным экземпляром породы случилась как-то замечательная по своему идиотизму история. Она могла произойти только с Лёхой.

Основная проблема подростка середины девяностых – от-

сутствие денег. Каждый решал её как мог. Кто-то клянчил у родителей, кто-то по ночам разгружал вагоны, а кто-то становился на кривую преступную дорожку. Лёха относился к третьей категории. Будние дни проводил он в учёбе и посиделках в подъезде, а ближе к выходным ощущал острый недостаток денежных средств. Стипендии училища ему хватало на один день, денег у отчима особо не допросишься, а выпить в субботу хочется. Иначе о чём же рассказывать нам на следующий день. Поэтому Лёха занимался традиционным бизнесом всех гопников. Собирались они с двумя товарищами покрепче и подкарауливали на темных улицах одиноких прохожих. Классика. Если повезет – то и на пиво хватит, и на сигареты.

И вот как-то обходит Лёха с товарищами свои охотничьи владения и в свете одинокого фонаря обнаруживает потенциальную жертву. Одинокого, покачивающегося на нетвердых и нетрезвых ногах мужичка. А вокруг – тишина и пустота. Поэзия. Сумерки весеннего вечера.

Лёха разговаривать долго не стал. «Ты с какова района?» и «Дай закурить» – это для неопытных малолеток. Молодецки подлетел к жертве, богатырским ударом свалил с ног нетрезвого гражданина и принялся обшаривать карманы. Деловито снял часы, переложил в свой карман кошелек, ощупал пальцы в поисках колец или печатки.

И уже в процессе совершения противоправного действия Лёха встретился с пострадавшим глазами. И с ужасом узнал

в нем одного из своих преподав из училища.

– Б...! – негромко воскликнул Лёха и тут же бросился наутёк.

За ним, недоумевая, понеслись его подельники.

Всё воскресенье малолетний преступник просидел дома, вздрагивая от каждого звонка и ожидая немедленного ареста. Но правосудие почему-то не торопилось. В понедельник, замирая от страха, он пришёл в училище. И в коридоре тут же столкнулся со своей жертвой. Преподаватель щеголял свежим фингалом и распухшим носом. На Лёху посмотрел с подозрением, но бросаться и тащить ученика в отделение почему-то не стал.

– Здравствуйте, – буркнул Лёха, торопясь пройти мимо.

– Здра..., Макеев! – внезапно остановился преподаватель.

Внутри Лёхи всё упало. Сейчас начнётся.

– А я тебя в выходные случайно нигде не встречал? – единственным целым глазом прищурился преподаватель.

– Не-е-ет, я все выходные дома просидел, – пряча за спину сбитые костяшки кулаков, затараторил Лёха. – Телик смотрел.

– Телик, говоришь? Ну-ну, – и к облегчению Лёхи, преподаватель пошёл дальше.

Очевидно, не рассмотрел в темноте лиц нападавших. Или нетрезв был чрезмерно.

И вот сошло бы Лёхе с рук очередное преступление, если бы от эйфории пролетевшей мимо опасности, он не поте-

рял осторожность. И всего через неделю после совершенно-го ограбления, не надел в училище часы, снятые с препода. Часы в тот же день были опознаны. Лёха был отчислен, имел неприятности с милицией, и, дабы избежать серьёзного срока, бросился сдаваться военкому. Военком принял во внимание уголовное прошлое призывника и, несмотря на богатырское здоровье, отправил его исправляться в стройбат. Впрочем Лёха и там не пропал. Но это уже другая история.

Стройбат

В армии Лёха быстро сориентировался и начал бодро подниматься по карьерной лестнице. Молнией пролетев ефрейтора и сержантов, он получил звание старшины и был назначен бригадиром на одну из столичных строек. Тут же наладил бизнес. Ведро краски – туда, мешок гвоздей – сюда. Вот и на сигареты собралось. Лёха почувствовал, что наткнулся на золотую жилу и всерьёз задумался о контракте.

В подчинении у старшины оказалась бригада, наполовину состоявшая из выходцев из Средней Азии и Кавказа. Среди них Лёха быстро навёл порядок. Но вскоре к бригаде добавили пятерых «блатных». То есть солдат, до армии имевших проблемы с законом. Лёха и сам был таким, поэтому решил наладить контакт. Его тут же послали. Слово за слово – дошло до открытого конфликта. Лёха понял, что отступать нельзя. На них смотрят остальные «бандерлоги». Если сей-

час дать слабинку – прощай репутация. Его начнёт посылать последний узбек. И старшина бросился в бой.

Как рассказывал мне потом сам Лёха, один из «блатных» успел полоснуть его бритвенным лезвием «Нева» зажатым между пальцев. Отсёк, между прочим, мочку знаменитого лёхиного уха. Но и сам свалился от удара в челюсть. А потом Лёха подхватил из раствора шуфельную лопату и погнал оставшихся блатарей по стройке. «Бандерлоги» в восторге заорали.

Оставшиеся без главаря уголовники были деморализованы. Поэтому пробежав пару кругов вокруг котлована, возмолвились о пощаде. Победа была полной.

Лёхина армейская карьера кончилась внезапно. Однажды вечером в одном из углов стройки раздался шум, крики и звуки ударов. Через минуту «бандерлоги» приволокли бригадиру на расправу какого-то старичка в лыжной шапочке и синем спортивном костюме.

– Что за дед? – грозно спросил Лёха.

– Вот, старшина-джан, этот гражданин доски у второго котлована п...л.

– Дед, ты чего? Это же военная стройка! – принялся допрашивать вора Лёха. Обида его была искренней. Он ещё вчера договорился продать эти доски мужику из соседнего дома. И дед фактически посягнул на его собственность.

– Да я вас – сгною! – неожиданно рывкнул дед. – Да вы знаете, кто я?!

– Не перебивай старшину, – ткнул вора в бок один из «блатных».

Дед согнулся от боли.

– Завтра же все под трибунал пойдёте! – прохрипел он.

– Какие мы грозные слова знаем, – съехидничал Лёха. – Трибунал, сгноит. Кино про войну смотрел?

– Да я генерал Иванов!

– Иванов? Не слышал о таком, – Лёха чуть сбавил тон. Кто их знает, этих столичных дедов. Может у него и вправду связи. Хотя спортивный костюм, доски. Трындит дед. Точно трындит.

– Вот что, бойцы, – наконец решил бравый старшина. – Выбросьте-ка этого генерала с территории стройки и пару пенделей ему дайте. Пусть своей бабкой дома командует.

«Бандерлоги» подняли генерала на руки и вынесли за забор.

Стоит ли говорить, что наутро возле КПП части остановился чёрный автомобиль с «нулевыми» номерами и из него вышли два полковника из Министерства Обороны. Дед действительно оказался генералом, правда уже лет десять, как в отставке. Но связи сохранил.

Лёху разжаловали в рядовые, лишили должности бригадира и для дальнейшего разбирательства поместили на гауптвахту. Место, кстати, историческое, выступающее в данной роли не одну сотню лет, но от этого не менее тоскливое. Сидел Лёха один, и от этого одиночества чуть с ума не

сошёл. Спасало то, что большую часть дня, свет, падавший через решетку на пол, создавал какое-то подобие шахматной доски. Так Лёха налепил из хлебного мякиша шашек и играл сам с собой в выдуманные игры – обрезанные варианты шашек и нард. К вечеру доска уползала с пола, и узнику оставалось только зубрить выданный Устав, да сочинять матерные частушки.

– Самая большая пакость – это стены, – рассказывал потом Лёха. – Тот, кто их ровнял – наверное, раньше в гестапо подрабатывал. Вся поверхность стены была покрыта цементными шипами. Их никто не сгладил, а наоборот, старался побольше сделать. Так к стене не прислониться, не присесть. А лежать на койке днём запрещалось.

Готовился Лёха к самому страшному. Погибнуть в цвете лет в какой-нибудь «горячей точке», которую специально для него создаст мстительный генерал. Сгнить в дисбате. И даже тёмной ночью получить пулю в затылок.

Но почему-то обошлось. Через месяц его выпустили и даже отправили на ту же стройку, где Лёха и дослужил тише воды, ниже травы до самого дембеля.

Некоторые не меняются

Вернувшись из армии, Лёха восстановился в родное училище. Препод, павший жертвой его предприимчивости, к тому времени уволился, а больше никто про уголовное про-

шное бравое вояки не вспомнил.

В начале двухтысячных я, студент медицинского университета, приехал в гости к родителям и, проходя мимо соседнего подъезда, услышал, как кто-то меня зовёт. Это был Лёха. Повзрослевший, серьёзный. Он сидел на ступеньках с кульком семечек, в окружении стайки пятнадцатилетних подростков и обнимал за «пятую точку» пышную крашеную блондинку. Мы поздоровались, и я присел рядом.

Лёха «толкал рОман». Один из тех, где он залпом выпивал невероятное количество алкоголя, а потом ничего не помнил. Подростки угодливо хихикали и кивали. Блондинка липла к Лёхе с нежностями. Я посидел, послушал. И словно в прошлое меня забросило. Словно не было этих семи лет. Словно окружающие меня люди те самые, из моей юности, так и просидевшие всё это время на ступеньках.

Мне стало тоскливо. И я потихоньку попятился в темноту.

Лёха догнал меня возле моего подъезда.

– Ты куда?

– Да хочу к родителям навеститься, у меня поезд уже завтра. Не хотел тебя перебивать.

– А-а, – расплылся в ухмылке Лёха. – Понятно. Как тебе моя?

– Шикарная, – я догадался, что Лёха говорит о блондинке.

– Зову её 66–88. А она, то смеётся, то психует. Говорит, что 90-60-90.

– Почему 66–88? – удивился я.

– Ну ты чё, в школе не учился? – Лёха достал из заднего кармана безжалостно скомканную и грязную полуобщую тетрадь. Конспект по всем училищным предметам.

И раскрыл на первой странице, где традиционно размещалась таблица Менделеева. Лёха и Менделеев – поразительное сочетание. Ага, 66 – Диспрозий (Dy), 88 – Радий (Ra). А ларчик-то просто открывался. Если даже Лёха так её называет, то интеллектом девушка явно не отличается.

– Ну, бывай, – Лёха стиснул мне руку и отправился обратно к стайке и блондинке. А я пошёл домой.

На этом история не кончилась. Недавно спешил вечером с работы и на людной минской улице внезапно столкнулся с Лехой. «Кореш» пополнел, остепенился, купил себе дорогую дубленку и массивную золотую печатку. Постояли, покурили. И солидный дядька с лицом Моргунова и с кожаным портфелем, посмеиваясь, рассказал мне о своём очередном приключении.

В прошлом году поехал Леха в Польшу на заработки. В какой-то там полуподпольный швейный цех. То ли хозяин цеха обманул его, то ли пропил Леха деньги и не сознается, но факт в том, что остался «кореш» на улице Кракова без копейки денег, без крыши над головой и пустым брюхом. Что сделал бы обычный человек в такой ситуации? Пошел бы в консульство своего государства, принялся бы просить мелочь на билет, сдался бы полиции? И это понятно.

Но Леха не такой. Он дождался вечера и замер в засаде у

ряда небольших баров. Смеркалось. Из ближайшего питейного заведения на нетрезвых ногах выбрался одинокий поляк. Леха прокрался за ним до ближайшего темного переулка, где сбил с ног поставленным ударом в челюсть, снял часы, вытащил бумажник. Денег хватило и на билет, и на пиво, и ещё немного осталось. Документы и карточки Леха благоуханно положил сверху на стонущего европейца. Так что вернулся из поездки с прибылью.

Передо мной стоял солидный дядька в возрасте, с намечающимся пузом и вальяжными жестами. И с шуточками рассказывал мне эту историю. А потом пожал руку, и мы разошлись.

Все-таки гопник – это не спортивный костюм и кепка. Гопник – это образ мыслей и состояние души.

Когда стыдно за своих

В молодости поехали мы с женой в страну пирамид. Море, солнце, арабы пристают. Впрочем, всё, как всегда. Белый незагорелый турист – потенциальная жертва для любого торговца. В первые дни отбивались от предложений купить настоящий папирус из бананов и каменные статуэтки из гипса, потом примелькались и от нас отстали.

В соседнем номере жили две девахи под тридцать, без мужей, но с детьми. Как-то подсели к нам за завтраком, разговорились. Девахи бойкие, с утра по макушку заряженные пивом. Олл-инклюзив же, чего добру пропадать! Дети – мальчишка лет девяти и девочка лет семи – носятся по всему залу, любопытничают, путаются у всех под ногами. Ну дети, чего с них взять.

Девахи в пять минут вывалили нам истории своих жизней (классика – кулинарное ПТУ в родном городке, понаехали в Москву, вышли замуж, развелись, и закрутилось), почувствовали, что мы с ними почти что родня. Говорят мне:

– Пошли с нами по магазинам, а то мы боимся чурок этих. А если с мужчиной будем ходить, они приставать не будут.

Отчего же не помочь почти соотечественникам. Да и жена при слове «магазины» оживилась. Согласился. Вечером собрались и пошли в город.

И впрямь не пристают. В магазинчике подошёл один:

– Твои?

– Мои, – говорю.

– Все три?

– Все три.

– Ай, молодец, – улыбается араб. – Только детей мало.

Вот и пойми его – то ли пошутил, то ли серьёзно поверил.

Соседки затариваются какими-то маечками, полотенцами. Дети зевают и ноют, я в состоянии дзена (мужчины, которые ходят с женами по супермаркетам поймут). Моя тоже что-то присмотрела, уже тащит добычу в примерочную.

Но в следующем магазине я уже пожалел, что согласился. Пока меряли маечки, малой пробежал по полочкам с сувенирами. И начал что-то тырить по мелочи. Воровато озираясь, сунул в карман пару металлических брелоков, какой-то магнитик, миниатюрную статуэтку.

Причём вор из него пока никакой, опыта толком нет. Я его действия вижу, продавец тоже всё это безобразие видит, не дурак. Но почему-то игнорирует. У них к детям вообще какое-то особенное отношение. Думает видно счёт за ворованное в стоимость маечек включить, чтобы внакладе не остаться. Или не хочет скандалить из-за грошовых побрякушек.

Соседки набрали по вороху маечек, яростно поторговались с арабом, вышли довольные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.